Д. А. Кононов

Обратитесь ко мне за помощью

В курилке было тихо и хорошо. Андрей взглянул на экран телефона: до открытия торгового центра оставался ровно час, можно не спешить. Можно спокойно покурить в очерченной грязноватыми стенами будке на гигантской парковке, покурить и подумать.

Явился знакомый охранник, рукопожатие. Спичками не богат? А как же, прошу.

– Ну а в Питере там как, нормально? – спросил охранник, с видимым облегчением затягиваясь.

– Жить можно. Я там в квесте работал.

– Маньяком с бензопилой?

– Нет, маньяком был мой напарник. Я администрировал это дело.

Расскажу, почему бы нет. Андрей задумчиво выпустил струю противного дыма.

– На Петроградке, в цокольном этаже, были у нас несколько комнат, стилизованные под квартиру четы убийц. Стены в пятнах, труп-манекен в ванне. Потом хозяйка решила придумать что-нибудь и для детей. Мы повсюду развесили гирлянды, оформили те же комнаты под фэнтези, а маньяку с бензопилой купили маску Шрека. Гирлянды все превращают в детскую сказку: была кухня людоедов – стала ведьмина избушка, ну и так далее. Что не удалось превратить в сказку – так это ванну с трупом. Повесили, в итоге, там такие шелестящие непрозрачные шторы – отныне это был волшебный лес. Квест вышел отличный, для детей шести-восьми лет.

Охранник с улыбкой слушал, довольный. Смешной человек: каждую неделю покупает лотерейный билет. Пять лет назад выиграл тысячу рублей, с тех пор ничего. Но упорствует, надеется.

– Как-то раз сидим мы с маньяком, никого не трогаем. И звонит хозяйке ее подруга, владелица квеста по соседству. Выручай, мол, у меня тут семеро детей на Лабиринт Минотавра, а минотавр застрял в лифте. Бери их себе. Хозяйка обрадовалась, легкие денежки, по пятьсот с носу. Звонит нам, принимайте клиентов, запускайте Шрека. Ну, мы подготовились, а тут и дети пришли. Лет по двенадцать им, в гробу они Шрека видели.

Лица пресыщенные, наглые. Ухмыляются, убогое превосходство над моей нищетой. Дети состоятельных родителей. Как в Махабхарате: я владею всем этим, и в будущем обрету еще больше, кто посмеет сравниться со мной, я богат, могущественен и благородны предки мои...

– Что делать, надо работать. Выхожу я к ним и говорю, так и так, давайте поможем Шреку найти принцессу Фиону! Ну давай, говорят они. Пошел квест, они все трогают, только что прибитое гвоздями не отрывают, Шреку норовят пенделя под зад прописать – а в той маске не видать ничего. Пошли в волшебный наш лес, орут, пацаны, тут труп в ванне! Не выдержал я, говорю Шреку в наушник: снимай маску и бери пилу, щас поднимем этот балаган на новую высоту.

И мне это казалось смешным, чем-то наполняло жизнь. Отдушина. Если не разнообразить царящее вокруг убожество символами и смыслами, можно сойти с ума.

– В общем, Вася схватил в темноте жирного пацана и ловко пристегнул его к батарее. Тот стал рваться, да только наручник себе затянул, рука посинела. Дальше наш маньяк заводит пилу – и к тем, которые вокруг ванны с трупом. Кричит им: думали, это понарошку? Это, паразиты, нихуя не понарошку! А тот жирный у батареи визжит так, что бензопилы не слышно: я вас урою всех, у меня батя мент!

Охранник даже закашлялся от смеха:

– А потом? – прохрипел он, вытирая слезы.

Андрей пожал плечами:

– Уволили меня, конечно, – без досады заметил он: будто теорему доказал.

– Это ты тогда решил, что с Питером не выгорело, и вернулся в Омск?

– Ну да. Если за четыре года не зацепился и не пророс, то, видимо, не судьба.

И зачем я соврал? Там был еще целый год после, когда я брался за любую работу, отличную от дворника и сторожа, только бы оставался шанс – на что? Знаю, похоже на такое вот упорство с лотереей: один раз повезло, и с тех пор ты исправно спускаешь деньги, только бы это повторилось –

а чем тебе поможет выигранная тысяча? Два раза на детский квест сходить. С маньяком и манекеном в ванне.

– Слушай, – как бы невзначай, с искусственной небрежностью проговорил Андрей. – Насчет моей просьбы про одиннадцать – ты не забыл, все в силе?

– Конечно, конечно, я помню, ты что, – с готовностью закивал охранник.

– Ну и лады.

Рукопожатие, Андрей отправился работать. Он прошел по стершейся желто-белой зебре, стеклянные двери послушно откатились в стороны. Встал на эскалатор, один на всю длину стальной лестницы, вечно съедаемой и вечно рождающейся, несущей ежедневно тысячи душ живых и омертвевших. Торговый центр медленно просыпался, близилось время открытия. В гигантском супермаркете работники в одинаковых красных футболках, как хищные бразильские муравьи, таскали коробки, толкали перед собой тележки, переставляли, упорядочивали. Мимо пробежала деловитая красавица с хвостиком черных волос из-под кепки, на красной безрукавке стандартное «обратитесь ко мне за помощью». О, я бы обратился, мне так это нужно – хотя чем можешь помочь мне ты, диплом психологического факультета на мороженой рыбе, мясе, морепродуктах, а также пицце и фаршированных блинах быстрого приготовления? Чем можешь помочь мне ты, выигранная тысяча? Магазины поменьше тут и там грохотали рольставнями, этот звук, как неживой треск павловских барабанов в Гатчине – ать-два, в любое время года, семь дней в неделю, без увольнительных и пенсии по выслуге двадцати пяти лет – ставни ат-крыть! Нет гауптвахты, нет шпицрутенов, нет зверей-унтеров, есть только супервайзер, которому тебя уволить – что капучино махнуть на соевом молочке. И тогда прощай торговый центр, прощай иллюзия европейского уюта и продуманности, добро пожаловать обратно в Омск, где в твои купленные на остановке фрикадельки никто уже не воткнет гордый синий флажок с золотым крестом.

Я мог бы стать писателем. Черт, я уже успел написать больше, чем какой-нибудь Довлатов или Буковски. По объему, по крайней мере. Копирайтерство никого не щадит: сотни оригинальных продающих текстов о зимней резине. Профилактика и лечение натоптышей. Заголовки, привлекающие внимание. Кликбайт. Писал книги о том, как писать книги. О самореализации и личностном росте: с ними, кстати, было куда проще, чем с натоптышами – я просто передирал из десятков других подобных опусов. Даже кандидатскую диссертацию по философии написал. И защитил. Это еще здесь, до Питера. Неожиданные аспекты осмысления антропогенеза – а, да неужто? Пассионарность. Простите, Лев Николаевич, мы все про…

Вернувшись в Омск, он первым делом отправился на родную кафедру. Нестарый еще кандидат наук – подарок судьбы для любого заведующего. Его обласкали, напоили плохим коньяком, похвалили за тяготение к альма-матер, поругали развращенный высокомерный Петербург, похвалили духовный пуританский Омск. На полную ставку взять не можем, сами понимаете, студентов год от года все меньше. Но вот на ноль шестьдесят пять, старшим преподавателем, а? Восемнадцать тысяч, а? И комнату в общежитии на полгода дадим. Здание, правда, старое, но крепкое, советское. Зимой тепло, и холодильник не нужен, можно сумку за окно вывешивать. Андрей сердечно поблагодарил заведующего кафедрой, симпатичного и трогательного человека, такого же неустроенного бедолагу, как он сам – и ушел, чтобы никогда не возвращаться.

Прихватив с собой пакет с одеждой для работы, Андрей зашел в служебные помещения и быстро сменил футболку на белую рубашку с погонами. На краю обширной площадки, чуть правее детского городка, ждал его старый друг и коллега: яркий детский паровоз о трех вагонах, с блестящими алюминиевыми накладками, с деревянными лакированными дверцами на шпингалетах, с разноцветными жестяными крышами и гордо поднятой к потолку трубой. Пора. Андрей поправил левый погон с вышитым логотипом российских железных дорог и щелкнул выключателем: зазвучали слащавые детские песенки.

День покатился своим чередом. По понедельникам детей немного, да и посетители чинят помехи движению только к вечеру, когда зачем-то приходят в торговый центр после рабочего дня. Управлять паровозом труда не составляло: электрик недавно сменил аккумулятор и перебрал всю механическую часть. Спереди, точно над красным отвалом, были прикручены лампочки поворотников, но в ярких коридорах их свет оставался незамеченным: Андрей сигнализировал о повороте, поднимая над кабиной воздушный шарик на палке то справа, то слева. Сегодня шарик ему

выдали желтый. На шее болтался металлический свисток, который во время поездок приходилось сжимать в зубах, резкими звуками предупреждая зазевавшихся прохожих. Эти свистки отчего-то всегда приводили в восторг детей. Потому, должно быть, что из всей бутафории лишь они напоминали о настоящем локомотиве. Что ж, ощущение реального поезда должны создавать совсем другие звуки: храп, кашель, плач младенца где-то в середине вагона, тошнотворная музыка в плохих наушниках соседа. Запах мочи, сигаретного дыма, прелых перьев в старых подушках, немытых тел, куриной лапши. А в коротких перерывах, на станциях, горький не то деготь, не то мазут, свежий ледяной воздух зимней ночи, бесконечной ночи, когда он, надломленный, побежденный обстоятельствами, возвращался из Питера в Омск, сутки в поезде, да сутки, да сутки. В Тюмени напился пива с дембелями, которые каким-то чудом сразу же прониклись к нему уважением. Пьяный, взъерошенный, рассказывал им о беспомощности и вторичности философских концепций второй половины двадцатого века, они даже слушали меня, представляешь, с искренним интересом, а потом сержант подытожил: «Мощно» и достал из спортивной сумки первую бутылку водки.

– Яричек, Ярославичка, хочешь на паровозике покататься? Смотри, какой красивый паровозик! – и без перехода, другим голосом. – Мужчина, один раз в какую цену?

Дежурная улыбка, дежурный ответ. Сопящий пухлый Яричек – в пиджачке, в идеально отглаженных брючках в тон, в рубашечке с галстучком из-под воротничка, в сияющих ботиночках – с трудом забирается в вагон при помощи суетливой тучной матери. Колотит потной ладошкой по закрытой дверце:

– Алло, дядя, давай вперед, кого ждем?

Тронулись, от улыбки станет всем светлей, от улыбки в небе что-то там начнется... Ему только что запонок и зажима для галстука не хватает – в зеркале заднего вида Андрей прекрасно видел мальчика, по-барски развалившегося на сидении, вялая рука свисает из окна. Был ли я когда-нибудь одет так, хоть один день в жизни? Неважно подогнанная школьная форма, джинсы, пиджаки и свитера из секонд-хенда – отныне и присно. Даже сейчас в синих ковбойских штанах, донашиваю за каким-нибудь поляком. Отчего я вообще задумался об этом – мне что, обидно? Чушь какая. Папа много пил, а когда был трезв, декламировал стихи Окуджавы и Высоцкого, вслух читал мне лучшие книжки на свете. Мама тянула на себе семью одна после его смерти. До нее, впрочем, тоже. Не дотянула. Умерла в тот год, когда я защитился. Больше меня в Омске ничто не держало – уехал в Петербург.

Из-за поворота появилась пожарная машина, ярко-красная, в сиянии мигалок и всех фар, которые только могут гореть. За рулем, согнувшись в три погибели, сидела старушка, которую здесь все звали пожарницей. Увидев ее впервые за сегодня, Андрей, по обыкновению, учтиво коснулся ладонью козырька фуражки. Пожарница тепло улыбнулась и кивнула, не отрывая от руля морщинистых изможденных рук. Разъехались, в пассажирском отделении пожарной машины уже уснули два карапуза. Старушка была доктором биологических наук, имела допуск к работе с опасными вирусами. Руководила лабораторией где-то в новосибирском Академгородке, а потом ушла на пенсию под напором амбициозных и завистливых молодых кадров. В Омске у нее дочь, давно уже замужем. Не желая стеснять молодую семью, пенсионерка снимает комнату на окраине Нефтяников и зарабатывает здесь, катая детей. Дочь навещает ее регулярно: на день рождения, на восьмое марта и перед Новым Годом. Как-то раз Андрей, повинуясь чувству вины за чужую черствость, пригласил ее выпить чаю в местном кафе.

– Андрюшенька, ангел мой, – сказала тогда пожарница. – Моя бабушка училась в Смольном институте. И вот она как-то сказала мне: истинная вежливость состоит в том, чтобы не быть ни для кого обузой. Так и живу. Немного уже осталось.

Круг почета на площадке перед главным эскалатором – приехали. Андрей вылез из кабины и открыл пассажирскую дверь. Яричек лениво вылез из вагона и флегматично прокомментировал:

– Фигня. Тридэ круче.

Такие поездки следовали друг за другом почти беспрерывно, неотличимые друг от друга: по одному и тому же маршруту, мимо выученных наизусть вывесок, мимо фудкорта и супермаркета, мимо кофеен, стоек с мороженым и соками, мимо кресел простых и массажных, мимо пунктов подзарядки электроники, мимо… все мимо, Андрюха. Вспомни, ты с самого детства это делал: пытался наполнить мир глубоким смыслом. Ты реабилитировал пустопорожнюю скуку, ты в пять лет

пахал адвокатом дьявола, имя которому – рутина. Так и здесь в первый месяц работы. Заклепки на лестнице ты расшифровал как загадочное послание алфавитом Брайля. В выходные пытался выследить членов тайного общества, которые подбрасывают странные книги на стойку книжного обмена. Придумал целую повесть про подростка, который каждый вечер приходит на открытую парковку и стоит там часами, неподвижный, глядит на расцвеченный огнями торговый центр. Разум страшится пустоты, отчаянно пытается заполнить ее хоть чем-то – но вот именно сейчас не худо бы заполнить желудок. Обед, прости Господи.

Андрей обесточил поезд, сбегал за своим пакетом и устроился в дальнем конце фудкорта, за крайним столиком. В пластиковом судке все было по-прежнему: гречка и дешевая безвкусная сосиска. Обед дополнил отлично заваренный сладкий чай в термосе – на всем могу экономить, но за хороший чай отдам последнее. Мрачно пережевывая холодную кашу и прихлебывая из крышки термоса, Андрей не голодным взглядом осматривал витрины с пиццей, лазаньей и лапшой. Неважно, что ты ешь. На нежирной каше, на сыром хлебе строились каналы и фабрики, тепловые станции и жилые дома. А еще раньше – пирамиды на горсточке овса или кукурузы, пшеничные готические соборы, рисовая великая стена. Сыпется и сыпется зерно из миллионов пыльных раздувшихся мешков в желудки рабов, голодных, офисных, полуголых, в набедренных повязках, белый верх черный низ, в полосатых робах, в бушлатах с номерами, в приличных итальянских костюмах с распродажи, нищих, оборванных, в глинобитных хибарах, купленных в ипотеку на выгодных условиях. Потом умирают, конечно, прорастают зелеными побегами маиса и бамбука, овса и ржи, зеленые злаковые поля их тел, их дел земных. Детьми прорастают.

– Не помешаю?

Перед ним стояла та самая девушка из супермаркета, отдел свежемороженых продуктов. Форменный жилет свернут, держит в руке, а в другой – поднос с маленьким кусочком пиццы и стаканом кофе. Андрей с сомнением оглядел десятки свободных столиков вокруг:

– Нет, конечно, не помешаете. У вас тоже обед, как я погляжу.

– Ага, – девушка радостно кивнула, села, и тут же принялась за еду. – Маша. А вы Андрей.

– Как вы…

– У вас бейджик с именем, – она сняла пластиковый колпачок с кофейного стакана и запустила его в урну. – Терпеть их не могу.

– Бейджики, колпачки на кофе или имена? – Андрей вдруг понял, что ему ужасно нравится эта девушка.

– Первое и второе. Хотя моя подруга назвала свою хомячиху Харли Квинн – и вот тут я уже в крошечном шаге от ненависти.

– Это все же лучше, чем пес Шерлок, поверьте.

– От породы зависит.

– Мопс.

– А, тогда прошу прощения. Усыпите этого человека, пожалуйста. Вы смотрели «Шоу Фрая и Лори»?

– Еще бы, очень его люблю. Даже пересматривал.

– Значит, сработаемся. Так, ну ладно, я побежала.

Маша встала из-за стола, надела жилет, подцепила поднос с недопитым кофе и коркой от пиццы, улыбнулась на прощание – и быстрым шагом пошла прочь, обратитесь ко мне за помощью. Андрей проводил ее взглядом. На столике остался чек из итальянского кафе с телефонным номером, написанным второпях.

После обеда время замедлилось. Андрей совершил еще четырнадцать рейсов, хотя их могло быть и двести – никакой разницы. Он учтиво подавал руку девочкам, чтобы те не споткнулись, выбираясь из вагона. Он с солидным видом пожимал руки мальчикам, спрашивая, понравилась ли им поездка. Он прохаживался вдоль поезда, зазывал пассажиров выученными наизусть фразами. Он управлял игрушечным электрическим локомотивом, маневрируя среди знакомых галерей торгового центра. Он даже не думал ни о чем, потому что всякая мысль теперь стремилась к окончанию рабочего дня и тому, что будет затем. Он терял спокойствие, сердился на себя, старательно подавлял волнение, сжимал челюсти и оглушительно свистел, пусть никакой необходимости в этом не было.

В десять вечера торговый центр завершал работу, постепенно выпуская последних припозднившихся клиентов. Грохотали рольставни, магазины закрывались один за другим. Выходили уборщики, всадники верхом на самоходных полотерах, охранники расходились – кто покурить, кто отдыхать. Нет в мире ничего более скучного и бескомпромиссно заурядного, чем вечер понедельника, вдруг подумал Андрей. Казалось ли вам когда-нибудь, будто в важный, напряженный момент жизни вас сопровождает удивительно подходящая музыка, вторит каждому действию, подрагивает, резонируя от натянутых нервов? В голове у Андрея звучала странная аранжировка Майкла Наймана, «Сбой во времени». Из гаража служебного транспорта он притащил тяжелый прямоугольный сверток, спрятав его под сидением во втором вагоне поезда. Затем с удовольствием сменил рубашку с глупыми погонами на обычную одежду, сунул фуражку в пакет – и оставил все на крючке в подсобке, недалеко от комнаты отдыха охраны.

Широкая лента грузового эскалатора безжизненно мерцала отблесками уличных огней, в целях экономии половина ламп в галереях была погашена. Андрей подошел ближе и бросил на эскалатор монетку, затем без труда поднял ее: магнит не работает, полностью обесточено. Не спеша спустился по лестнице, идущей параллельно мертвой ленте. Справа гардероб, слева шеренга банкоматов, прямо – двустворчатая дверь, открыта настежь, доводчики зафиксированы так, чтобы не закрылась. Не подвел охранник, не забыл.

Андрей возвращается к поезду, включает двигатель, на этот раз тихо, без детских песенок. В голове, как пружина, разматывается аллегретто Наймана, струнные выводят повторяющийся мотив, и впервые за много лет приходит осознание глубокой правильности происходящего. Он аккуратно въезжает на грузовой эскалатор и медленно катится вниз, увлекая за собой три вагона, в одном из которых теперь хранится сменный аккумулятор. Освободившись из плена торговых залов, детский игрушечный паровоз – трогательный и уязвимый, как все лучшее в этом мире – спокойно и с достоинством следует под звездным небом вдоль края парковки прочь, к трассе. Андрей вдыхает прохладный воздух сырой осени с примесью дыма от близлежащих дач.

Маша уложила в тележку последнюю коробку с мороженым минтаем, десять минут до конца смены. Позвонили с незнакомого номера.

– Алло...

– Маша, здравствуйте. Это Андрей. Мне очень неловко, что все начинается так нелепо, но ответьте мне, пожалуйста, на один вопрос, это важно: вы поезда любите?